

Правила игры

В 1978-м британский драматург Гарольд Пинтер опубликовал пьесу «Предательство», где действие — девять сцен, шесть картин — происходит в обратном порядке: сначала распад семьи в 1977-м, в конце — признание в любви в 1968-м. Можно ведь и так действовать, чем и воспользовались создатели фильма «Необратимость», в котором сначала показано жестокое изнасилование главной героини, а потом все, что ему предшествовало.

В 1950-м Акира Кurosава снял «Расемон», где одна и та же криминальная история совершенно правдоподобно рассказана с четырех точек зрения. Где правда?

Задолго до этого — с 1759-го по 1769-й — в свет выходил по частям роман Лоренса Стерна «Жизнь и мнения Тристрата Шенди, джентльмена», который по-своему изменил отношение к повествованию и заставил всех поверить, что главное в истории — лирические отступления, поскольку из них одних и может состоять рассказ.

Когда в 1994-м мир ахнул от придумки режиссера Квентина Тарантино, автора фильма «Криминальное чтиво», люди просто подзабыли, как вольно человечество научилось обращаться с сюжетом.

Молодой Тарантино, как будто смеясь над нетерпеливостью зрителя, в первых же кадрах вместо экспозиции предлагает

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](#)

ему кризис и одновременно второй акт одной из историй. Выносит первый акт в конец фильма. Перемешивает между собой традиционные составляющие драматургии — экспозицию, кульминацию и развязку.

Благодаря этому напряжение в картине поддерживается до конца (начала). Метафорой такой архитектоники мог бы стать образ дракона, пожирающего свой хвост. Круг истории замыкается, обращаясь моделью вечного двигателя, лентой Мебиуса шириной 35 мм.

Сколько люди себя помнят, рассказчики изощрялись в способах донести мысль и образ до аудитории. Теперь уже самый консервативный, тупорылый, посконный вариант «родился, учился, не женился» выглядит старомодным. Так «уже не делают». (Что значит, как правило, «так снова можно делать».)

Как лучше писать про Пелевина?

Можно было бы все, что мы знаем о писателе, поместить в развернутую на несколько авторских листов пародийную метафору. Авторы, сочиняя это, ужасно веселились бы. Читатель бы, скорее всего, недоумевал.

Можно было бы построить все на цитатах, выпустить на страницы книги многоголосый хор без корифея: вот что люди говорят, а вы уж думайте что хотите.

Можно было бы, и это оказалось бы скучнее всего, придерживаться прямого, как палка, вектора: родился, учился, дебют, успех, хиты, прием у британской королевы, распад, убили Джона Леннона... Ах, извините, это мы переключились на другую биографию.

Как построена эта книга?

Она состоит из главок. Какие-то большие, другие совсем маленькие. Одни посвящены отдельной теме, иные анекдоту, третья, наоборот, обо всем понемножку, но даже с ходу и не скажешь, о чем. Да и смонтированы они друг с другом абы как.

[Купить книгу на сайте kniga.biz.ua >>>](http://kniga.biz.ua)

Есть линия, что называется, реального плана: живет такой человек Виктор Олегович Пелевин 1962 года рождения, с квартирой в Чертанове и читателями по всему миру. Это реальное лицо. Он с кем-то общался, где-то появлялся, давал интервью. (Для того чтобы написать эту книгу, авторы взяли десятки интервью у людей, знакомых с Пелевиным (в том числе лично), а в тех случаях, когда мы используем чужие цитаты, приводятся ссылки на источники.)

Кроме реальной линии есть еще жизнь книг — наверное, более важная для писателя: когда что вышло, зачем и почему. И что же там написано. И как сказанное слово отзывалось.

Есть, уже на другом уровне, сквозные сюжеты и герои пелевинских книг, есть дорогие писателю идеи и приемы, о которых хочется сказать отдельно, есть влияния и вливания.

Вот несколько энергетических линий, которые будут здесь перемежаться, переплетаться, сталкиваться, искрить — и в результате, мы надеемся, подведут чуть ближе к ответам на вопросы, сформулированные полшага назад.

Было бы странно сначала говорить, говорить, говорить об авторе, а потом — о его произведениях. И наоборот тоже как-то не выходит. Отсюда и структура книги. Ничего такого уж страшного и сложного.

Читать эту книгу можно было бы как «Хазарский словарь» Милорада Павича, в котором как будто отсутствует фабула, а сам текст представляет собой энциклопедические статьи. А можно как «Евгения Онегина», когда его перечитывают уже в зрелом возрасте — с любого места. Но вы уж попробуйте по старинке — с начала и до конца, отыскивая внутреннюю логику переходов.

Может быть, найдете.